

ИДЕИ ЧАСТНОГО ПРАВА В НЕОКАНТИАНСКИХ ФИЛОСОФСКИХ ТЕЧЕНИЯХ (А. ШОПЕНГАУЭР, Р. ШТАММЛЕР)

Семякин Михаил Николаевич

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), e-mail: misha2008@uralweb.ru

В статье анализируется развитие идей И. Канта, в особенности в сфере частного права, в неокантианских учениях постклассического периода А. Шопенгауэра и известного представителя знаменитой Марбургской школы Р. Штаммлера, а также их философско-правовые выводы о закономерностях развития права, его соотношении с феноменами духовного и материального.

Ключевые слова: идеи, право, частное право, собственность, свобода личности, воля, неокантианство, течения, человек, познанная необходимость, причинность, общественные отношения, социальное регулирование, духовное, материальное

THE CONCEPTS OF PRIVATE LAW IN NEO-KANTIAN PHILOSOPHY (A. SCHOPENHAUER, R. STAMMLER)

Semyakin Michail

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: misha2008@uralweb.ru

The author traces the development of I. Kant's concepts, particularly in private law sphere, in Neo-Kantian post-classical doctrines by A. Schopenhauer and R. Stammler, a well-known representative of the Marburg School. He also considers their philosophical and legal findings concerning the regularities in development of law and its correlation with spiritual and material realms.

Key words: ideas, law, private law, property, personal freedom, will, Neo-Kantianism, trend, human, known necessity, causality, public relations, social regulation, spiritual realm, material realm

Идеи Канта, в том числе в сфере частного права, получили неоднозначное отражение в трудах ряда немецких мыслителей XIX – начала XX в. Поскольку в основе частной собственности и соответственно частного права лежит свобода личности, свободное проявление ее воли, то именно эти начала имеют исходное значение для развития постклассических философских идей частного права в неокантианских учениях. Неокантианство в известной степени обязано своим успехом трудам известного немецкого философа А. Шопенгауэра (1788–1860).

Как полагал философ, «человек отличается от всех остальных проявлений воли тем, что свобода присуща только воле как вещи в себе...». Однако она «все-таки может присутствовать в человеке...». «В этом смысле, – подчеркивал мыслитель, – свободна не только воля в себе, но даже человек может быть назван свободным и этим признаваться отличающимся от всех других существ»¹.

Нет ли противоречия в приведенном суждении философа, когда он, с одной стороны, говорил о том, что свобода присуща только воле «как вещи в себе», т. е. суще-

¹ Шопенгауэр А. О четвертом корне закона достаточного основания. Мир как воля и представление. Т. 1: Критика кантовской философии. М., 1993. С. 171.

ству неразвитому, примитивному, а с другой – она (свобода) «все-таки может присутствовать в человеке», в этом смысле «человек может быть назван свободным» и тем самым отличаться «от всех других существ»?

Это кажущееся противоречие получило разрешение в последующих рассуждениях мыслителя. «Однако, – пояснял далее А. Шопенгауэр, – свобода воли как вещи в себе... никогда не переходит непосредственно на ее проявление... следовательно, не переходит... на личность. Личность никогда не свободна, хотя она – проявление свободной воли, поскольку она есть уже детерминированное проявление свободного воления этой воли...» Иначе говоря, это «свободное воление» уже само по себе не свободно в том смысле, что оно детерминировано (предопределено) иными причинно-следственными связями. Вот почему «личность никогда не свободна», хотя она и есть проявление «свободной воли».

Но можно ли в связи с этим говорить о проявлении «свободной воли» хотя бы в отдельных действиях личности? И здесь виден дуализм метода мышления, используемого А. Шопенгауэром. «Однако, – замечал философ, – так как все-таки это свободное воление есть то, что мы видим в личности и во всем ее поведении... то и каждое отдельное действие личности следует приписывать свободной воле...»; «поэту... каждый считает себя a priori свободным и в отдельных действиях, в том смысле, будто он в каждом данном случае может совершить любой поступок...» Но на основе практики и эмпирического мышления, как считал А. Шопенгауэр, это не так, ибо «только a posteriori, исходя из опыта и размышления об опыте, он познает, что его поступки совершенно неизбежно проистекают из сочетания характера и мотивов». «Этим объясняется, что каждый примитивный человек, следуя своему чувству, горячо отстаивает свою полную свободу в отдельных поступках, тогда как великие мыслители всех времен, даже наиболее глубокие вероучения, отрицали ее»¹.

Из приведенных рассуждений А. Шопенгауэра следует, что представление о «полной свободе» – удел «примитивного человека», который воспринимает окружающее на уровне своих чувств, руководствуясь которыми он ратует за безграничную свободу собственных действий, прежде всего в частноправовой сфере, что противоречит истинному пониманию свободы человека, его поступков как познанной необходимости.

Однако наиболее тесная связь с исследованием права, в особенности частного права, наблюдается в трудах другого представителя неокантианского течения – одного из корифеев знаменитой Марбургской школы Р. Штаммлера, известного немецкого теоретика права и философа. Его перу принадлежит ряд работ, посвященных праву, в том числе частному праву, а также философии права: «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории» (1896), «Учение о правильном праве» (1902), «Сущность и задачи права и правоповедения» (1906), «Теория правоповедения» (1911), «Учебник философии права» (1922) и др.

Вслед за И. Кантом Р. Штаммлер полагал, что понятие нельзя вывести из разрозненных фактов правовой действительности методом индукции: «Понятие права не может быть установлено на основании наблюдения над отдельными случаями права». Право следует понимать как логическую данность, т. е. «общезначимые условия» общественной жизни людей². Р. Штаммлер использовал телеологический под-

¹ Шопенгауэр А. Указ. соч. С. 392.

² Марченко М. Н., Мачин И. Ф. История политических и правовых учений: учеб. М., 2005. С. 423.

ход (рассматривал социальные и правовые явления с позиции их целесообразности) к пониманию права.

В основополагающем труде «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории» с позиций так называемого юридического мировоззрения ученый, соглашаясь с рядом положений и выводов, содержащихся в марксистской концепции, вместе с тем критиковал ее за идеи, обосновывающие «экономический детерминизм» по отношению к праву, жесткую обусловленность права системой производственных отношений.

Находясь на материалистических позициях понимания исторического развития, Р. Штаммлер наряду с этим подчеркивал, что право занимает зависимое положение по отношению к социальному хозяйству. «Оно (право. – М. С.) занимает зависимое, служебное, подчиненное положение, иначе оно теряет всякий смысл. Общественное хозяйство обуславливает его и руководит им. Хозяйство, будучи материей социальной жизни, есть истинно реальное, действительная субстанция права. От особенностей хозяйственных условий зависят особенности обуславливаемого ими правового строя»¹. Существующий правовой строй «должен сообразовываться с человеческим духом».

Вместе с тем, как полагал ученый, «юриспруденция, преследуя свою особую и самостоятельную задачу, не имеет нужды принимать в соображение действительное конкретное приложение, которое получает данный правовой строй в социальной жизни. Сила ее доказательств при изложении содержания права и при конструкции его в его отдельных выражениях не зависит от того, какое употребление мы делаем из этого права в действительности и какие формы принимает в данном случае общественная жизнь»².

Иначе говоря, здесь Р. Штаммлер выразил мысль о том, что основные теоретические понятия (конструкции) права сохраняют свое постоянство и не зависят от конкретных случаев их применения на практике. «Постановления о частной собственности и о вытекающих из нее правах и обязанностях, о защите владения или ответственности продавца, учение о правах наследников... не нуждаются для доказательства своего конкретного существования (здесь и далее курсив автора. – М. С.) в указаниях на известные конкретные случаи, регулируемые ими. Изложение этих постановлений не предполагает известного способа их действительного приложения. Понятие собственности остается при неизменившемся праве то же самое, независимо от того, находятся ли объекты собственности в руках многих или нескольких. А доказательство того, что владелец может требовать в своем интересе охраны своего владения на основании действующего общего права, совершенно не зависит от числа случаев, в которых действительно возникает этот вопрос»³.

Говоря о зависимости права от социальной жизни, Р. Штаммлер в то же время обращал внимание на «независимость формального изучения права от действительного социального хозяйства». Так, «противоположность вещного и обязательственного права, надлежащая логическая концепция юридических личностей... залога по уставу гражданского судопроизводства... не зависят от вопроса о действительном ха-

¹ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории: Социально-философское исследование / пер. с нем. 2-е изд. М., 2010. С. 24.

² Там же. С. 149.

³ Там же.

рактуре социальной жизни» и фактического осуществления данного юридического регулирования¹.

Вместе с тем Р. Штаммлер предостерегал, что подобное представление «легко может привести исследователя права к попытке выйти по отношению к содержанию права за дозволенную границу и внушить исследователю иллюзию, что он может отделить содержание юридических определений от лежащей в основе и подлежащей регулированию материи». Именно это обстоятельство Р. Штаммлер рассматривал как причину «всех попыток найти в общеприложимой форме такие юридические теоремы, которые были бы независимы от сменяющегося исторического опыта». К такого рода теоретическим положениям Р. Штаммлер относил «теорему» исторической школы права, что законодатель не может воспретить образование «обычного права», что возможность создавать посредством обычая «новое право» следует a priori. Сюда же относятся, по мнению ученого, «все рассуждения о связующей силе договоров, как и о безусловной необходимости частной собственности и несогласимости коммунистического общественного устройства с человеческой природой»².

Подобные попытки отыскания универсальных («вечных») юридических категорий и конструкций, которые не зависят от конкретных исторических периодов, Р. Штаммлер связывал с идеями Ульпиана о *ius natural*, естественном праве, «одинаковым для всех живых существ», которое римляне признавали равнозначным с *ius gentium*, правом народов. Р. Штаммлер вполне допускал параллельное существование двух систем права: естественного и «положительного» (действующего), – рассматривая первое в качестве «идеальной величины»; оно имеет значение для лиц, подчиняющихся праву, не как внешняя принудительная норма и не как руководство для органов исполнительной власти, а обращается к законодателю. Основное положение естественного права применительно к своему времени Р. Штаммлер характеризовал как «реставрированное обоснование принципа частной собственности, как она развивалась исторически»³.

Р. Штаммлер пришел к выводу о невозможности существования социальных отношений, изначально не урегулированных социальными нормами, в отличие «от простой механической причинности физиологических инстинктов». Как полагал ученый, «совершенно ошибочно думать, что во многих случаях существуют прежде всего известные „жизненные условия“, которые затем захватываются правом и превращаются во внешне-урегулированные отношения». По мысли Р. Штаммлера, основные принципы частного права (свобода передвижения, частная собственность, свобода договоров и наследования) выступают важнейшими регуляторами социальных отношений. «Отношения, которые завязывает индивидуум в принципиально свободном частном хозяйстве с другими, существуют именно в силу определенной правовой санкции и, как социальные отношения, находятся в полной зависимости от *конкретного* правового строя»⁴.

Здесь представляется необходимым обратить внимание также на то, что указанные социальные отношения, складывающиеся между конкретными субъектами в «принципиально свободном частном хозяйстве» и другими лицами, носят, по мнению Р. Штаммлера, зависимый (подчиненный) характер от права. Развивая эти мыс-

¹ Штаммлер Р. Указ. соч. С. 150–151.

² Там же. С. 151–152.

³ Там же. С. 156–157.

⁴ Там же. С. 175.

ли далее, ученый обосновывал положение о том, что человеческое общество не имеет особой *хозяйственной* жизни и отличного от нее *правового* существования: правовой и хозяйственный строй – «суть одно и то же». Всякая общественная хозяйственная жизнь необходимо есть *внешним образом урегулированное* сотрудничество индивидов. Регулирующая правовая форма в известном смысле может быть рассматриваема и сама по себе; регулируемая же материя (социальные хозяйственные отношения) не может подвергаться изучению в отрыве от ее правового регулирования «как основного условия».

Обсуждая проблему, касающуюся определения эквивалента (ценности) в меновых отношениях, Р. Штаммлер обращал внимание на то, что это связано с необходимостью уяснения отношений между людьми и с анализом их гармоничного образа действий, что возможно лишь в том случае, если мы будем исходить из определенного внешнего регулирования. «Попробуйте уничтожить частную собственность нашего современного правового строя и удалить мысленно возможность юридически-связующей меновой сделки, к выполнению которой договаривающийся обязуется существующими принудительными нормами, – и *ценность* в искомом смысле тоже потеряет всякое значение»¹.

По мнению Р. Штаммлера, методологически значимо обосновываемое им положение о том, что всякое социальное исследование имеет смысл, если оно рассматривается в необходимой зависимости «от *определенного внешнего регулирования* хозяйственной совместной деятельности». Так, понятие *капитала* и учение о нем предполагают с указанных позиций существование частной собственности отдельных лиц на средства производства. С устранением этого правового института утрачивает значение все, что было сказано о капиталистической форме социального хозяйства. В системе общественных отношений, основанных на *общей собственности* (коммунистическом обществе), должны быть выработаны «*по существу совершенно иные* основные понятия и правила, чем это может иметь место по отношению к обществу с принципиально свободной частной собственностью». Например, необходимо учитывать, что «*товаром* вещь становится только благодаря частной собственности и свободному обращению вещи в обмене»².

Развивая эти мысли далее, Р. Штаммлер обращал внимание на то, что вещь не может быть объектом потребления в социальном хозяйстве и, следовательно, объектом урегулированной совместной человеческой деятельности, не поступая в юридическое распоряжение какого-либо лица. Поэтому политико-экономическое исследование, стремящееся к познанию социального хозяйства известного круга людей, «возможно только при том условии, если оно исходит из особого социального регулирования» отношений, связанных с приобретением благ.

Поддерживая позицию К. Маркса в определении сущности «капитала», Р. Штаммлер полагал, что «нужен был только еще один шаг для того, чтобы привести в ясность основное условие *социального* познания вообще и признать таким необходимым условием *определенное внешнее регулирование* совместной человеческой жизни, при котором понятие капитала получает прочную основу и становится возможным объясняющее учение о нем»³. Исходя из этого, Р. Штаммлер критиковал известное положение, сформулированное К. Марксом, где он разделял, с одной стороны, сово-

¹ Штаммлер Р. Указ. соч. С. 182.

² Там же. С. 184–185.

³ Там же. С. 190.

купность производственных отношений как экономическую структуру общества, его экономический базис, а с другой – зиждящуюся на нем «юридическую надстройку». По мысли Р. Штаммлера, «это совершенно неверно, так как общественные производственные отношения вообще существуют не вне определенного правового регулирования. Они суть не что иное, как определенным образом рассматриваемое правоотношение, как юридически-упорядоченные отношения людей друг к другу»¹.

Опираясь на высказывание К. Маркса в его полемике с Прудоном о том, что производственные отношения – суть *отношения собственности* в известном реальном осуществлении, Штаммлер писал: «...представление об юридической надстройке, будто бы высящейся „над отношениями собственности“, падает само собой, так как всякое понятие о собственности предполагает создающую его правовую норму»².

Р. Штаммлер выступал против рассмотрения «хозяйства» и права как явлений, существующих параллельно, независимо друг от друга. В их логическом взаимоотношении речь, по мысли ученого, «может идти только о разграничении правила и регулируемой материи, формы и материи социальной жизни, для специального исследования форма и материя представляют «одно целое, регулирующую совместную деятельность»³.

«Правовой базис», полагал Р. Штаммлер, социально-экономически необходим не только для сношений между отдельными частными хозяйствами, но и для понимания их как социального явления «под условием определенного внешнего (правового. – М. С.) регулирования». В обоснование данной мысли Р. Штаммлер указывал на то, что уже «древнее меновое хозяйство вовсе не было, само по себе, естественным продуктом, а представлялось точно так же *урегулированным людьми* сотрудничеством. Оно опиралось на определенные правовые установления, в конечном счете на частную собственность и договор, и не может быть логически понято помимо этого регулирования хозяйственного совместного труда»⁴.

Рассуждая далее, Р. Штаммлер эмоционально замечал: «Допустите, что на место правовых установлений явились принципиально другие, и все теоремы, которые были вполне правильны при правовом строе с частной собственностью на средства производства, при противоположной социалистической системе теряют всякий смысл; они рушатся вместе с условием их права на существование, их истинности – определенным правовым регулированием социальной жизни»⁵.

Ученый доказывал, что нельзя установить отдельные «политико-экономические теоремы», которые были бы необходимы, «общеприложимы» и независимы от сменяющегося содержания особых правовых укладов. Так, «при правовом строе собственности на капитал, частного кредита, свободного договора о займе юридическое законодательство для того, чтобы достигнуть предусмотренного воздействия на подчиняющихся ему, должно разрешать и проценты, и притом, в возможно свободном размере». Резюмируя свои мысли по этому поводу, Р. Штаммлер заключал: «Социальная закономерность и законосообразность регулирующей формы общественного существования людей, следовательно, одно и то же»⁶.

¹ Штаммлер Р. Указ. соч. С. 190.

² Там же.

³ Там же. С. 193.

⁴ Там же. С. 197 (сноска 104).

⁵ Там же. С. 201.

⁶ Там же. С. 203.

Здесь, как представляется, автор вряд ли обоснованно отождествил «социальную закономерность» и правовую «законосообразность», их нельзя рассматривать как «одно и то же». Другое дело, что используемая в конкретных исторических условиях правовая форма должна соответствовать существующей «социальной закономерности», адекватно отражать ее (сообразовываться с ней) и в этом смысле быть «законосообразной».

Рассматривая «материю социальной жизни» в соотношении с ее правовым регулированием, Р. Штаммлер ставил методологически важный вопрос о том, какое из указанных явлений имеет определяющее значение. «Не обуславливает ли она (материя социальной жизни. – М. С.) особой формы социальной жизни, так что право, может быть, является подчиненным и послушным, более слабым и фактически-зависимым моментом, тогда как экономический элемент, материя социальной жизни, предъявляет притязание на власть?»¹

Ответ на поставленный вопрос ученый предварял рядом замечаний, обращая внимание, в частности, на то, что «было бы грубым непониманием нашего учения и излишней поспешностью предполагать, что учение это приводит к выводу... что ход всемирной истории сообразуется с „юридическими идеями“, а не с „хозяйственными отношениями“. Вовсе нет». Уточняя эту мысль, автор подчеркивал: «Мы только удостоверяем, что хозяйственные условия, как отношения людей в социальной жизни, вообще могут быть поняты лишь как *внешним образом урегулированные* отношения. Но как эти... хозяйственные отношения могут быть научно поняты, какое влияние может затем оказать их изменение и развитие на изменение обуславливающего их, в свою очередь, правового строя, и, наконец, *в каких закономерных формах* изменения права обуславливаются предшествующими превращениями... социального хозяйства – это должно выяснить дальнейшее исследование»².

Необходимой «предварительной ступенью» к такому исследованию, по мнению ученого, является положение о том, что поскольку социальная жизнь «*есть определенным образом урегулированное сотрудничество людей*» и представляется объектом социального познания «*лишь в связи с условием исторически возникающего внешнего нормирования*, то проблема *закономерности социальной жизни* людей совпадает с вопросом о *закономерной подчиненности* существующей регулирующей формы человеческого общества»³, т. е. права.

В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что вряд ли корректным можно считать приведенное положение о «закономерной подчиненности» права по отношению к «закономерностям социальной жизни людей», что объективно обуславливает лишь пассивную (подчиненную) роль права, его «обреченное» следование за социальной жизнью, против чего достаточно убедительно выступал сам же Р. Штаммлер.

Говоря об отношении между правом и «хозяйством», ученый не усматривал между ними жесткой (механической) причинно-следственной связи и подчеркивал, что «речь идет здесь об обуславливающей форме и регулируемой материи»⁴, а также что названные явления для социального анализа «представляются лишь двумя необходимо соединенными элементами одного и того же предмета». Право, подчеркивал

¹ Штаммлер Р. Указ. соч. С. 204–205.

² Там же. С. 205.

³ Там же. С. 206.

⁴ Там же.

автор, «не есть существующая сама по себе вещь, имеющая самостоятельное значение в социальной жизни»; «в каждом правовом нормировании заключается всегда и необходимо регулирование данного социального хозяйства»¹.

Однако и социальное хозяйство, по мнению Р. Штаммлера, «не есть самостоятельное и особо-существующее явление, на которое могло бы воздействовать правовое регулирование»².

Сотрудничество индивидов как материя социальной жизни, по мнению Р. Штаммлера, «есть урегулированное и потому *социальное* бытие людей». Правовое регулирование совершается посредством нормирования поведения отдельных лиц с целью побудить их к определенной деятельности, благодаря чему «становится возможным частное хозяйство, как социальное явление, как исполнение индивидуумом роли, выпавшей ему в процессе социальной жизни». Отсюда ученый делал вывод: «Определяющее воздействие социального строя ограничивается, следовательно, индивидуумом. Совместная же деятельность, в ее целом, причинно не обуславливается регулированием, а существует *в социальном смысле* только в качестве урегулированной»³.

Развивая эти мысли далее, Р. Штаммлер сформулировал положение, имеющее методологическое и гносеологическое (познавательное) значение, касающееся свободы индивида и правового регулирования общественных отношений. При самой широкой свободе, какую общество может предоставить индивиду, социальное регулирование затрагивает социальную жизнь «в ее целом», стремясь направить ее к намеченной цели, для чего используются различные средства. И даже «свободная конкуренция» здесь выступает таким средством, которое опирается «на совершенно определенные правовые установления, какими являются собственность и свобода договора». Поэтому правильным исходным пунктом социально-научного исследования должна служить «не естественная свобода отдельных людей, которую *ограничивал бы* социальный строй, а наоборот, регулирующее нормирование есть первое и высшее условие всякого *социального* рассмотрения человеческого бытия». И только предварительно имея в виду это условие, «можно говорить о *социальной* свободе индивидуума»⁴.

Аксиологическое значение имеют сформулированные ученым идеи, касающиеся необходимости выбора адекватных правовых форм нормирования «социальной жизни». Р. Штаммлер обосновывал мысль о том, что правовое регулирование деятельности людей не должно выступать в форме «прямых приказаний», жесткого регламентирования «образа действий» индивидов. «Можно даже утверждать, – подчеркивал ученый, – что хозяйство, урегулированное прямыми приказаниями, стремящееся организовать человечество наподобие кучки рабов без личного собственника, при своем осуществлении испытывало бы судьбу чрезмерно напряженного лука»⁵.

Ученый высказывался за необходимость установления косвенного регулирования «социальной жизни», при котором «индивидууму предоставляется избрать тот или другой образ действий, ту или другую деятельность и то или иное поведение *в пределах правового строя*». При таком выборе индивид «формально не противоречит велениям социальных норм, хотя правовой строй... желает определенного образа

¹ Штаммлер Р. Указ. соч. С. 207.

² Там же.

³ Там же. С. 214.

⁴ Там же. С. 215.

⁵ Там же. С. 216.

действий со стороны индивидуума и косвенным образом стремится воздействовать на него»¹.

Здесь Р. Штаммлер, по существу, вел речь о частнопровом методе регулирования общественных отношений, которому свойствен правонаделительный характер как исходное начало в процессе упорядочения отношений субъектов гражданского права, а также такие черты, как равенство, инициатива, диспозитивность и другие особенности участников соответствующих правовых отношений.

Интересными представляются высказанные Р. Штаммлером мысли, касающиеся тесной связи, зависимости того или иного способа производства от существующего правового регулирования, в особенности от важнейших институтов частного права. Ученый обосновывал мысль о том, что существование способа производства, в частности капиталистического, возможно лишь при условии «совершенно определенно-го социального регулирования, в особенности – частной собственности на средства производства и свободного договора о найме, и может получить дальнейшее развитие лишь на этой основе»². Однако, замечал ученый, все исторически известные системы права хотя и в более или менее выраженной форме, но принципиально одинаково осуществляли социальное регулирование, «доставляя отдельным сочленам *возможность* вступать между собою в частные союзы, при посредстве которых совершается затем весь процесс социальной совместной деятельности»³, при охране и гарантии со стороны общества частной собственности и инициативы субъектов. Семейная жизнь и производство благ, меновые отношения и передача вещей в пользование другим совершаются здесь по усмотрению индивидуумов, а не на основании безусловного, прямого приказа определяющего центральный пункт.

Социальную жизнь с этих позиций Р. Штаммлер определял как «совокупность урегулированных взаимоотношений между людьми»⁴.

Исходя из этого определения, автор затрагивал глубинную проблему, касающуюся, по существу, социальных истоков (корней) частного права и его предназначения в жизни людей. По мысли ученого, содержание социальной жизни «составляют бесчисленные отдельные союзы частных лиц, направленные к удовлетворению потребностей согласно с установленными правилами». Представляя собой отдельные явления, «эти урегулированные отношения частных лиц друг к другу сочетаются в понятие социальной жизни». «И из таких союзов частных лиц вырастает социальное сотрудничество правового союза»⁵, т. е. возникают институты частного права, формируется согласованное частнопровое регулирование в указанной сфере.

С субъективной стороны названное сотрудничество, как полагал ученый, обуславливается и облегчается тем, что юридическая власть над пригодными для удовлетворения потребностей благами «в конечном счете принадлежит исторически индивидууму, что, следовательно, каждому индивидууму гарантируется правовым строем эта его частная собственность и что по отношению к этим „своим“ благам он находится в правовом отношении к совокупности юридически связанных с ним лиц»⁶. Поскольку для социального удовлетворения потребностей необходимо «приводить эти

¹ Штаммлер Р. Указ. соч. С. 217.

² Там же. С. 221.

³ Там же. С. 234–235.

⁴ Там же. С. 235.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

блага в движение» (пользоваться ими, передавать в аренду и т. д. – М. С.), «то отсюда возникают для индивидуумов настоятельные поводы вступать между собою в определенные частные союзы... к чему правовой строй дает формальную возможность»¹.

Лица, «соединившиеся таким образом», в соответствии с действующими правилами возлагают на себя взаимные обязательства «поступать определенным образом, обязательства к известной деятельности, известным уступкам».

Резюмируя сказанное, ученый заключал: «Следовательно, социальная жизнь... осуществляется при помощи постоянного установления и осуществления правовых отношений, содержание которых... в течение истории постоянно меняется и разнообразится...»²

Приведенная мысль, по существу верная, получила у Р. Штаммлера в дальнейшем несколько неожиданное развитие. «Этому, – замечал ученый, – по-видимому, противоречат обычные представления, устоявшиеся в науке частного права, так как конечным основным понятием частнопровового оборота она признает обыкновенно *субъективное право* и называет иногда его „устоем всего правового здания“»³.

Однако указанное «противоречие» представляется в значительной мере искусственным, что признавал далее и сам Р. Штаммлер. Действительно, субъективное частное право есть внутренний элемент (часть) содержания гражданского правоотношения и может существовать лишь в данной правовой форме. Поэтому, по сути, не столько важно, будут ли называться субъективные права «устоем всего правового здания» или как-то иначе, сущность явления (субъективных частных прав) от этого не меняется. К тому же если уж говорить в обозначенном смысле о «правовых устоях», то к последним, как представляется, должны быть отнесены нормы права о частной собственности и соответствующие правоотношения собственности как глубинные, конституирующие правовые явления, на которых основываются все иные элементы частнопрововой системы.

Развивая далее указанные мысли, Р. Штаммлер рассуждал о «причинности» возникновения частнопрововых отношений. Несомненно, замечал ученый, «что всякое установление частного правоотношения, как историческое событие, должно быть рассматриваемо с точки зрения принудительно действующей причинности». Причем автор обращал внимание на то, что «установление точного определения причинного отношения, по примеру механики», решение данной проблемы не допускает⁴.

Для уяснения «одинаковых правоотношений» как массового явления, когда речь идет о единстве, «господствующем над сутолокой производства товаров, их сбыта и неутомимых меновых сделок», необходимо, по мысли Р. Штаммлера, «исходить из того факта, что в обоюдных соглашениях людей (договорах. – М. С.), подчиняющихся правилам, постоянно *высказываются суждения*, в которых определенные товары *приравняются друг к другу*»⁵. Иначе, в договорных (меновых) правоотношениях проявляется действие закона стоимости, подвергнутого глубокому исследованию в марксистской теории. В связи с этим Р. Штаммлер замечал: «При таких условиях марксовский закон ценности (стоимости. – М. С.) оказывается вполне правильным»⁶.

¹ Штаммлер Р. Указ. соч. С. 235–236.

² Там же. С. 236.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 238.

⁵ Там же. С. 240–241.

⁶ Там же. С. 240.

Вместе с тем, по мнению Р. Штаммлера, в частных правоотношениях (меновых сделках) проявляется не только объективная закономерность (закон стоимости), применительно к данной проблеме «речь идет о суждениях, воле и намерениях индивидуумов, следовательно, о психических явлениях»¹, т. е. о моментах субъективного характера. Хотя право в этом случае и является «необходимым условием всех социально-хозяйственных явлений, но оно вовсе не представляет непосредственной причины возникновения их». Основой названных явлений, полагал Р. Штаммлер, «является скорее инициатива лиц, подчиненных праву, и их фактический образ действий в сфере урегулированного общественного бытия»². Правовой же строй, подчеркивал ученый, «пользуется, следовательно, людьми и их эмпирическими задатками и влечениями в интересах регулируемой им совместной деятельности» индивидуумов «и стремится выполнить задачу осуществления *правильной* социальной жизни при помощи надлежащего воздействия на них»³.

Право, по Р. Штаммлеру, обычно «есть лишь форма социального сотрудничества», значение которой может «быть познано только при наблюдении конкретного вида этого социального хозяйства, за которое оно отвечает». Поэтому действительные или предстоящие социальные феномены по существу есть «необходимые обуславливающие моменты правовых изменений»⁴. Вместе с тем ученый подчеркивал, что «право может быть признано окончательной инстанцией, несущей ответственность за социальное хозяйство, потому, что оно образует, в качестве регулирующей формы социальной жизни, обуславливающую основу всех возможных социальных явлений»⁵.

Резюмируя изложенное, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, право, по мысли Р. Штаммлера, не есть «законченный объект, имеющий особое существование», а правовой строй не представляет собой «ничего самостоятельного и изолированного»; это форма, в которой «обдумывается и определяется сотрудничество людей». Более того, право и хозяйство – это «не два отдельных объекта», противостоящих друг другу, а явления взаимно влияющие и «обыкновенно» находящиеся в «замечательной гармонии друг с другом», «элементы одного и того же объекта познания» (социальной жизни). Ни правовое регулирование, ни конкретный вид «урегулированной совместной деятельности» не существуют «в действительности отдельно от другого»; их в какой-то степени возможно исследовать отдельно лишь «в теоретической абстракции».

Во-вторых, Р. Штаммлер рассматривал как «непонятное и ошибочное» мнение ученых о том, что возможно «вывести развитие права одновременно из духовного и из материального движения». Изменения права, по мнению ученого, вытекают не из «этого технического хозяйства», имея в виду сугубо технические моменты «материального движения», а из «движения *социального хозяйства*». Не технология как возможность к известному удовлетворению потребностей вызывает непосредственно изменения права, а «введение движений созданного хозяйства в установившийся строй и вытекающий отсюда своеобразный вид урегулированного сотрудничества» индивидуумов.

В-третьих, право и хозяйство взаимно влияют и обуславливают друг друга. Вместе с тем, по мысли Р. Штаммлера, правовая форма в известном смысле может рас-

¹ Штаммлер Р. Указ. соч. С. 241.

² Там же. С. 258.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 281.

⁵ Там же.

смаиваться и относительно самостоятельно; регулируемая же правом «социальная материя» не может подвергаться изучению в отрыве от него. Более того, право, в свою очередь, оказывает достаточно активное воздействие на «социальное хозяйство», подвергая его необходимым изменениям, придавая ему нужное направление развития.

В-четвертых, Р. Штаммлер рассматривал как «ошибочный и не выдерживающий критики» дуализм права, признающий, что хозяйство «определяется физическими потребностями» людей и «данными условиями внешней природы», а право объясняется в своем генезисе «при помощи парящей выше этих условий цепи психических факторов».

В-пятых, общественная жизнь во всех ее проявлениях ученому представлялась как упорядоченная совместная деятельность людей, важнейшей формой которой выступает право. Поэтому экономическое и политическое развитие должно идти путем частичных изменений права, критерием которых является создаваемое человеческим разумом «правильное право».

В-шестых, Р. Штаммлер придавал важнейшее значение частному праву как «правовому базису» в регулировании «меновых отношений», которые он рассматривал как «урегулированное людьми сотрудничество», опирающееся «на частную ответственность и договор».

В-седьмых, социальную свободу индивидуума ученый связывал не с абсолютной, «естественной», свободой отдельных людей, а с «регулирующим нормированием» их бытия, т. е. правом как мерой свободы человека (подчинением праву).

Библиография

Марченко М. Н., Мачин И. Ф. История политических и правовых учений: учеб. М., 2005.

Шопенгауэр А. О четвертом корне закона достаточного основания. Мир как воля и представление. Т. 1: Критика кантовской философии. М., 1993.

Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории: Социально-философское исследование / пер. с нем. 2-е изд. М., 2010.

Bibliography

Marchenko M. N., Machin I. F. Istorija politicheskix i pravovyx uchenij: ucheb. M., 2005.

Shopenhauer A. O chetvertom korne zakona dostatochnogo osnovaniya. Mir kak volya i predstavlenie. T. 1: Kritika kantovskoj filosofii. M., 1993.

Shtammler R. Hozyajstvo i pravo s toчки zreniya materialisticheskogo ponimaniya istorii: Social'no-filosofskoe issledovanie / per. s nem. 2-e izd. M., 2010.